Основное общее образование

И. Н. СУХИХ

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 9 класса

общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

2-е издание

ACADEMIA
Москва
Издательский центр
«Академия»
2014

Филологический
факультет
СПбГУ
2014

УДК 82(091)(075.3)
ББК 82.3(0)я721
С912

Сухих И. Н.

С912 Литература : учебник для 9 класса общеобразоват. учреждений : основное общее образование: в 2 ч. Ч. 2. / И. Н. Сухих. — 2-е изд. — М. : Издательский центр «Академия», 2013. — 256 с.

ISBN 978-5-4468-0458-0

В состав УМК для 9 класса включены: учебник в двух частях, программа по предмету (размещена на сайте издательства), практикум, книга для учителя. Данный учебник завершает линию УМК по литературе издательства «Академия» для основной школы, созданную под редакцией доктора филологических наук, профессора И. Н. Сухих. В 9 классе начинается монографическое изучение творчества русских писателей. В книге дается подробный анализ включенных в программу произведений от «Слова о полку Игореве» до «Мертвых душ» в широком историко-культурном контексте. Биографические разделы и главы строятся как увлекательные рассказы о писателях. Методический аппарат включает оригинальные вопросы и задания разной степени сложности, способствующие подготовке к Государственной итоговой аттестации по предмету. Учебник соответствует требованиям ФГОС.

Для учащихся 9 классов общеобразовательных учреждений.

УДК 82(091)(075.3)
ББК 82.3(0)я721

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Сухих И. Н., 2013
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2013
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2013

ISBN 978-5-4468-0458-0 (Ч. 2)
ISBN 978-5-4468-0456-6

Александр Сергеевич

Грибоедов

(1795?–1829)

«Горе» моё: жизнь поэта

Жизнь Грибоедова началась с загадки, которую не удаётся разгадать более двухсот лет. Дата его рождения известна точно — 4 (15) января. Но год рождения приходится выбирать из трёх: 1790, 1794, 1795.

Последний год назывался в детстве и юности Грибоедова. Тогда получалось, что уже одиннадцати лет ребёнок-вундеркинд поступил в Московский университет, а в 29 лет окончил комедию «Горе от ума».

Но уже с 1818 года во всех документах Грибоедов называет годом своего рождения 1790-й. Тогда он предстаёт обычным студентом и писателем-долгодумом, сочинившим комедию «Горе от ума» в 34 года.

В поздней датировке скрывалась важная для современников тайна, возможно, и ставшая причиной хронологического сдвига. Мать Грибоедова, Настасья Фёдоровна, была официально обвенчана в 1791 году. Если сын появился на год раньше, он, как позднее и А. А. Фет, был незаконнорождённым — со всеми невыгодами этого положения.

Впрочем, в отличие от Фета на судьбе Грибоедова этот факт не отразился. У него было детство ребёнка из хорошей дворянской семьи, хотя вырос он в женском мире. Отец (он и мать были однофамильцами, но не родственниками) почти не участвовал в воспитании сына. Жёсткая и властная мать (в последний свой приезд в Москву Грибоедов даже жил не дома, а у своего давнего друга) дала ребёнку прекрас-

ное образование. Его домашними учителями были университетские профессора. Потом он продолжил учение в Московским университетском благородном пансионе и на словесном отделении Московского университета. Грибоедов знал несколько языков, увлекался историей и философией, писал комедии, играл на пианино и сочинял музыку (некоторые его произведения исполняются и сегодня).

Отечественная война резко меняет его жизнь. В июле 1812 года он поступает добровольцем в Московский гусарский полк, но участвовать в боях юному корнету так и не удаётся.

С этого времени до конца жизни Грибоедов, в сущности, уже не имеет дома, оставаясь вечным странником, скитальцем «с подорожной по казённой надобности».

«Прощай, мой друг; сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти!» (*С. Н. Бегичеву, 30 августа 1818 г.*).

Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! Пустое;
В повозке так-то на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый. Вот резво
Домчались к отдыху. Ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь, и степь, и пусто, и мертво,
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

(«*Горе от ума*», *д. 4, явл. 3*)

В 1816 году Грибоедов выходит в отставку, а в следующем году — по протекции друзей семьи — поступает на службу в Коллегию иностранных дел (через несколько дней там же появляются недавние лицеисты Пушкин и Кюхельбекер).

Служебная деятельность Грибоедова поначалу носила формальный характер. Гораздо больше времени он уделял литературным занятиям и светским развлечениям.

Результатом первых становятся несколько полемических статей и драматических переводов. Уже в первой пьесе-переводе «Молодые супруги» (1815) будущий декабрист А. А. Бестужев заметит «большое дарование для театра».

А бурная светская жизнь Грибоедова завершилась драматически. В ноябре 1817 года, всего через полгода после поступления на службу, он как секундант участвует в так называемой четверной дуэли:

стреляться из-за балерины А. И. Истоминой сначала должны были дуэлянты, потом их секунданты. Но до второй схватки дело не дошло. Молодой граф В. В. Шереметев был смертельно ранен графом А. П. Завадовским, виновником дуэли считали Грибоедова, бывшего секундантом Завадовского.

В августе 1818 года молодой дипломат впервые отправляется на Восток, в Персию, приняв должность секретаря русской дипломатической миссии. Современникам казалось, что был найден предлог для удаления Грибоедова из Петербурга. На пути ему пришлось продолжить прерванную дуэль. В Тифлисе (нынешняя столица Грузии Тбилиси) он стреляется с будущим декабристом А. И. Якубовичем: памятью об этой дуэли остаётся простреленная кисть левой руки.

В Персии полномочного посла (вазир-мухтара) ожидает тяжёлая работа. Он борется за возвращение на родину русских солдат. «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль. <...> Голову мою положу за несчастных соотечественников», — записывает Грибоедов в дневнике (22 — 23 августа 1819 г.). Через несколько лет сослуживец, причём критически настроенный к Грибоедову, отметит: «Грибоедов в Персии был совершенно на своём месте... <...> он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию» (Н. Н. Муравьёв-Карский. «Записки»).

Странствия становятся образом жизни Грибоедова.

«Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти вёрст верхом скачет каждый день, весь день разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! — И этот человек будто я?» (*П. А. Катенину, февраль 1820 г.*).

Однако он как-то успевает заниматься персидским языком, наукой и литературой. Ночью 17 ноября 1820 года Грибоедов расскажет в письме неизвестной женщине — ещё одна загадка в его жизни — виденный накануне сон.

«...Я повернулся и ещё куда-то пошёл, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. <...>

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал её с трепетом. <...> Я пробудился.

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звёзды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы... <...> ему вторили со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла моё беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню моё обещание; *во сне дано, наяву исполнится*».

Таким образом, великая комедия, действие которой происходит в дворянском доме, в зимней Москве, зародилась во сне, в далёком персидском городе Тавризе как обещание, данное таинственной незнакомке.

Неожиданность появления этой комедии на свет, граничащая с чудом, удивляла читателей и зрителей целое столетие. Чуткий к мистике жизни и искусства поэт так увидел Грибоедова и его творение:

«“Горе от ума”, например, я думаю — гениальнейшая русская драма; но как поразительно *случайна* она! И родилась она в какой-то сказочной обстановке: среди грибоедовских пьесок, совсем незначительных; в мозгу петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе, с лицом неподвижным, в котором “жизни нет”; мало этого: неласковый человек с лицом холодным и тонким, ядовитый насмешник и скептик — увидал “Горе от ума” во сне. Увидал сон — и написал гениальнейшую русскую драму. Не имея предшественников, он не имел и последователей, себе равных» (*А. А. Блок. «О драме», 1907*).

На выполнение данного во сне обещания, однако, ушёл не один год. Лишь вернувшись в 1822 году из Персии в Тифлис, в штаб генерала А. П. Ермолова, Грибоедов сочиняет два первых акта пьесы «Горе — уму». Через год он получает отпуск, приезжает в Россию, набирается новых впечатлений в родной Москве, летом в тульском имении своего друга С. П. Бегичева пишет третий и четвёртый акты, в Петербурге придумывает развязку. Теперь приснившаяся четыре года назад пьеса называется «Горе от ума».

Рождение нового драматурга казалось мгновенным. С большим успехом Грибоедов читает комедию в Петербурге. В Михайловском, приехав ненадолго в гости к ссыльному поэту, И. И. Пущин знакомит с комедией Пушкина. На этом внешние успехи оканчиваются. Цензура запрещает печатание и постановку пьесы. Лишь удачливому журналисту Ф. В. Булгарину, который считает себя грибоедовским другом (вскоре он станет одиозной фигурой, нарицательным образом торгаша и доносчика), удаётся напечатать фрагменты комедии в театральном альманахе.

Зато «Горе от ума» стало произведением, которое благодарные читатели без всяких типографий и цензурных разрешений распространяли бескорыстно. Списки комедии наводнили читающую Россию.

«Много ли отыщете примеров, чтобы сочинение, листов в двенадцать печатных, было переписываемо тысячи раз, ибо где и у кого нет рукописного “Горя от ума”? Бывал ли у нас пример ещё более разительный, чтобы рукописное сочинение сделалось достоянием словесности, чтобы о нём судили как о сочинении, известном всякому, знали его наизусть, приводили в пример, ссылались на него, и только в отношении к нему не имели надобности в изобретении Гуттенберговом[1]? Этот случай, почти единственный у нас, есть одна из самых красноречивых похвал “Горю от ума”» (*К. А. Полевой. «Горе от ума», 1833*).

Творение уже отделилось от автора, и Грибоедов, измеряя новые замыслы своим «Горем», чувствовал себя в растерянности. Ему не писалось.

«Ну вот, почти три месяца я провёл в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня всё ещё загадка. — Что у меня с избытком найдётся что сказать — за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!», — безответно спрашивает он через год после завершения комедии (*С. Н. Бегичеву, 9 сентября 1825 г.*).

Через три дня тон его письма другу становится совсем мрачным:

«А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а всё не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. — Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остаётся добродетелью тяглого скота. <...> Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (*С. Н. Бегичеву, 12 сентября 1825 г.*).

Ещё через три месяца он отчасти найдёт причину:

«Поэзия!! Люблю её без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца.

---

[1] Иоганн Гуттенберг (Гутенберг) считается изобретателем типографского станка и основоположником европейского книгопечатания (середина XV в.). Критик утверждает, что рукописи «Горя от ума» вполне заменили печатное издание, книгу.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Всё-таки Шереметев у нас затмил бы Омира[1], скот, но вельможа и крёз[2]. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов» (*С. Н. Бегичеву, 9 декабря 1826 г.*).

Грибоедов задумывает две трагедии, делает наброски, но кочевая жизнь, отсутствие досуга и счастливого, вольного воздуха свободы, той атмосферы, в которой рождалась комедия, мешают довести эти замыслы до конца.

В истории литературы он так и останется автором одной пьесы.

Горе уму: смерть Вазир-Мухтара

Грибоедовская драма появилась *накануне* — накануне великого перелома в российской истории, одного из самых важных в XIX веке. Творца «Горя...» ждала в этом новом времени совсем не литературная судьба.

Летом 1825 года Грибоедов возвратился на Кавказ, но через полгода — уже не по собственной воле — был доставлен в Петербург для допросов и следствия. Предупреждённый об аресте генералом Ермоловым, он успел уничтожить какие-то опасные документы.

«На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа — восставшие бежали по телам товарищей — это пытали время, был “большой застенок” (так говорили в эпоху Петра)»,— так, с изображения восстания декабристов, начнёт Ю. Н. Тынянов роман о Грибоедове «Смерть Вазир-Мухтара».

На Сенатской площади, а потом в казематах Петропавловской крепости оказались многие знакомые Грибоедова, его недавние собеседники и слушатели. Несколько человек на допросах назвали его имя.

Однако истинный характер связи Грибоедова с декабристами остался ещё одной загадкой его биографии. В Чацком, главном герое «Горя от ума», многие будущие декабристы, например В. К. Кюхельбекер, видели близкого по убеждениям и мировосприятию человека. На тему «Грибоедов и декабристы» написаны огромные тома.

---

[1] *Омир* — Гомер.

[2] *Крёз* — здесь: богач.

Вместе с тем в воспоминаниях сохранилась апокрифическая[1] скептическая фраза Грибоедова: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». Находясь под следствием, Грибоедов написал оправдательное письмо новому императору Николаю I:

«По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, из крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи вёрст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул ... <...> Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал моё имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится моё заточение, то, конечно, и от неё не укроется. <...> Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный Комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете» (*15 февраля 1826 г.*).

Следствие длилось четыре месяца. Для защиты Грибоедов использовал и свою комедию, где в четвёртом действии в сатирическом свете был представлен образ «заговорщика» Репетилова. В июне 1825 года он был освобождён с «очистительным» аттестатом, получил чин надворного советника (VII класс), а в сентябре вернулся на место службы.

Грибоедов снова оказался в двусмысленной, мучительной ситуации. Он остался государственным чиновником, его отметил новый император, при котором пятеро восставших были казнены (в том числе хороший знакомый Грибоедова поэт К. Ф. Рылеев), а ещё несколько сотен сосланы в Сибирь (Грибоедов долго и безуспешно будет хлопотать за своих друзей А. А. Бестужева и А. И. Одоевского).

Восстание декабристов обозначило разрыв между государством и обществом, литературой и властью.

Для писателей XVIII века служение государству как делом, так и словом было нормой. Державин «истину царям с улыбкой говорил», будучи одновременно губернатором и министром. Служили Ломоносов, Карамзин, Жуковский, видя в этом наряду с литературой общественную полезность и важность.

После выступления декабристов государственная служба начала восприниматься как измена, компромисс, разрыв с кодексом чести. «Ссора с царями» приобрела уже не бытовой, а идеологический характер. Конфликт с властью, неприятие государства становятся нормой.

---

[1] *Апокрифический* — легендарный, не подтверждённый документами.

Хотя некоторые русские писатели и позднее совмещали государственную службу с литературной деятельностью, они уже не претендовали на роли воспитателей и советников царей, ограничиваясь чаще всего скромными цензурным (как Тютчев или Гончаров) или театральным (как Островский) ведомством. Грибоедов же остался «государственником», понимая всю уязвимость своего положения (на этом конфликте и построен роман Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»).

Ситуация на Кавказе между тем тоже изменилась. Началась война с Персией. Генерал Ермолов был отстранён от службы за симпатии к декабристам, а на его место назначен другой генерал, И. Ф. Паскевич, родственник Грибоедова.

Грибоедов получил широкие возможности для государственной деятельности. Он составляет проект организации Российской Закавказской кампании, которая должна была способствовать развитию торговли и промышленности и в то же время сделать этот край относительно независимым от центральной власти. Грибоедовскую идею отвергли, увидев в ней опасность для существования империи.

Планы Грибоедова, однако, шли ещё далее.

«Он был в полном смысле христианином и однажды сказал мне, что ему давно входит в голову мысль явиться в Персию пророком и сделать там совершенное преобразование; я улыбнулся и отвечал: “Бред поэта, любезный друг!” — “Ты смеёшься, — сказал он, — но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном воображении азиатцев! Магомет успел, отчего же я не успею?” И тут заговорил он таким вдохновенным языком, что я начинал верить возможности осуществить эту мысль» (*С. Н. Бегичев. «Записка об А. С. Грибоедове», 1854*).

Не сделавшись религиозным пророком, он оставался удачливым и умным дипломатом. Проведя с генералом Паскевичем всю военную кампанию, Грибоедов добивается заключения выгодного для России Туркманчайского договора (10 февраля 1828 г.) и сам отправляется с ним в Петербург.

Два года назад он был привезён в столицу арестантом. Теперь его встретили пушечным выстрелом с Петропавловской крепости, почестями и наградами, очередным повышением по службе: назначением полномочным послом в Персии.

Грибоедов снова отправляется на Восток с тяжёлыми предчувствиями.

«Прощайте! Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть навсегда. Боже мой! Неужто должен я буду всю мою жизнь провести так, в стране столь чуждой моим чувствам, мыслям моим...» — напишет он (по-немецки) жене Ф. В. Булгарина Елене (5 июня 1828 г.).

А самому издателю и журналисту в тот же день оставит переписанный экземпляр «Горя от ума» с надписью: «Горе моё поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828 года». (Презираемый многими доносчик, тайный агент секретной полиции будет хвастаться этой надписью, напишет «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», а его так называемый «Булгаринский список» станет важным источником комедии, ведь рукопись её не сохранится).

Близкому другу А. А. Жандру в отличие от женщины Грибоедов изложит свои опасения открыто, без элегических затей: «Грибоедов прямо от министра приехал к нему поздно вечером, разбудил его и сказал: “Прощай, друг Андрей! Я назначен полномочным послом в Персию, и мы более не увидимся”» (С. Н. Бегичев. «Записка об А. С. Грибоедове»).

По пути в Персию Грибоедов остановился в Тифлисе и пережил последнюю — счастливую — случайность. Он женился на шестнадцатилетней Нине Чавчавадзе, красавице, дочери грузинского поэта и просветителя А. Г. Чавчавадзе.

Он провёл с женой всего четыре месяца и отправился в месту назначения — в Тегеран. В одном из последних писем он признаётся:

«Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь, чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим ещё несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться» (*Н. А. Грибоедовой*, *24 декабря 1828 г.*).

В Тегеране полномочного посла ожидали два трудных дела: наблюдение за уплатой контрибуции (дани, выплачиваемой России побеждённой Персией) и возвращение на родину пленных христиан (а ими были преимущественно армянские женщины из персидских гаремов). Ряд не до конца ясных обстоятельств — дипломатическое соперничество с английской миссией, недовольство шаха, считавшего, что посол превышает свои полномочия и не уважает мусульманскую веру, возмущение подстрекаемой муллами[1] толпы — привели к трагическому исходу. 30 января 1829 года русское посольство было разгромлено и все его сотрудники, кроме одного, растерзаны толпой. Труп Вазир-Мухтара опознали лишь по ране, когда-то полученной на дуэли с Якубовичем.

Контрибуция за содеянное оказалась лёгкой. Из Тегерана в Петербург была отправлена делегация, которая привезла в подарок российскому императору огромный алмаз «Шах» (теперь он хранится в Алмазном фонде России), жемчужное ожерелье, древние манускрип-

[1] *Мулла* — мусульманский священник.

ты. После напыщенной речи посла Николай I будто бы произнёс всего одну фразу: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».

Прах Грибоедова по воле жены доставили в Тифлис. По пути с этой печальной процессией встретился путешествующий по Кавказу другой поэт.

«Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу, подымались на крутую дорогу. Несколько грузин сопровождали арбу. Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везёте? — *Грибоеда*. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис», — так описал последнюю встречу с автором «Горя от ума» А. С. Пушкин в очерковой книге «Путешествие в Арзрум».

Некоторые историки считают, что такая встреча была невозможна, но Пушкин придумал её, чтобы высказать важные мысли о Грибоедове и его судьбе.

Воспоминания о редких встречах с Грибоедовым и оценки его личности и литературного таланта перерастают у Пушкина в печальные размышления об особенностях русской национальной жизни, которым было посвящено «Горе от ума».

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нём было необыкновенно привлекательно. Рождённый с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, — когда случалось им говорить о нём как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою, или другой Декарт[1], не напечатавший ни одной строчки в Московском Телеграфе[2]. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит и наш голос.

---

[1] *Декарт Рене* (1596 — 1650) — знаменитый французский философ и математик.

[2] «*Московский телеграф*» — журнал, издававшийся братьями Н. А. и К. А. Полевыми (1825 — 1834), в котором большое место занимала популяризация европейских научных идей.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностию, уехал в Грузию, где пробыл осемь лет в уединённых, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом беспрерывных успехов. Его рукописная комедия "Горе от ума" произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» («*Путешествие в Арзрум*», *1831*).

Безутешная вдова через месяц родила недоношенного ребёнка, который сразу же умер, прожила ещё тридцать лет, так и не выйдя замуж. На могиле Грибоедова в Тифлисе начертана составленная ею надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Пушкинский некролог-воспоминание и эпитафия жены стали самыми трогательными памятниками Грибоедову. И конечно, таким памятником драматическому поэту осталось «Горе от ума».

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брезжущим виденьем.

(«*Прости, отечество*», *1828*?)

основные даты жизни и творчества

1795 (по другим сведениям — 1790), 4 (15) января — родился в Москве.

1806 — 1808 — учёба на словесном отделении Московского университета.

1812 — 1816 — военная служба.

1817 — начало службы в Коллегии иностранных дел.

1817, 2 (12) ноября — четверная дуэль.

1818 — 1822 — служба в Закавказье и Персии.

1820 — возникновение замысла «Горя от ума».

1823 — 1824 — отпуск, жизнь в Москве и Петербурге, завершение «Горя от ума», публикация фрагментов в альманахе «Русская Талия» (7 — 10-е явления 1-го действия и 3-е действие).

1826 — арест по делу декабристов, освобождение с «очистительным» аттестатом.

1828 — приезд в Петербург с текстом Туркманчайского мирного договора, назначение министром-резидентом в Персию.

1828, 22 августа (3 сентября) — венчание в Тифлисе с Ниной Чавчавадзе.

1829, 30 января (11 февраля) — гибель в Тегеране.

«Горе от ума» (1823 — 1824)

Дом как мир: грибоедовская Москва

Оставив Москву после окончания университета, Грибоедов редко возвращался в неё. В 1818 году, по пути в Персию, он увидел родной город в двойном свете, ностальгическим и трезвым взглядом: воспоминания о детстве столкнулись с новой реальностью.

«В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряжённые ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом “несть пророк без чести, токмо в отечестве своём, в сродстве и в дому своём”. Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребёнка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определён в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят» (*С. Н. Бегичеву, 18 сентября 1818 г.*).

Тем не менее в «Горе от ума» Грибоедов стал и бытописателем, сатириком, и поэтом Москвы.

Драма, как известно, строится на развёртывании действия в монологах и диалогах. Черты внешнего мира, элементы хронотопа, воз-

никают здесь эпизодически, в ремарках и разговорах персонажей. Однако комедия Грибоедова и в данном отношении уникальна. Образ Москвы проявляется в ней «весомо, грубо зримо»[1], в общих чертах и конкретных подробностях.

Заставочные ремарки создают общее впечатление о фамусовском доме, который часто представляют дворцом. На самом деле это, скорее, особняк барина-чиновника средней руки, к тому же стеснённого в средствах.

«Гостиная, в ней большие часы; справа дверь в спальню Софии» (д. 1, явл. 1). В этой гостиной развёртываются первые три действия, однако за счёт деталей атмосфера её меняется: «Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещённых комнат» (д. 3, явл. 4).

В четвёртом действии события переносятся в другое место: «У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина».

В репликах персонажей пространство фамусовского дома конкретизируется. Хлестова называет молчалинскую комнату «чуланчиком» (д. 4, явл. 8). Упоминание о совместной игре Молчалина и Софьи на фортепьяно, напротив, позволяет понять, что её покои состоят из двух комнат: инструмент не мог стоять прямо в спальне.

В комедии упомянуты также кабинет Фамусова и портретная (зал, где висят портреты предков). Дом делится на две части: мужскую и женскую («А! знать, ко мне пошёл в другую половину»). На ночь окна дома изнутри запираются ставнями («Ну что́ бы ставни им отнять»).

Людей другой эпохи атмосфера подобного барского дома провоцировала на воспоминания. Знаменитый режиссёр К. С. Станиславский, игравший Фамусова в спектакле Московского Художественного театра (1906, 1914 гг.), достраивал пространство грибоедовской пьесы в воображении:

«Чтобы подробнее рассмотреть жизнь дома, можно приотворить дверь той или другой комнаты и проникнуть в одну из половин дома, хотя бы, например, в столовую и прилегающие к ней службы: в коридор, в буфет, в кухню, на лестницу и проч. Жизнь этой половины дома в обеденное время напоминает растревоженный муравейник. <...> Видишь ожившие костюмы лакеев и кухон-

[1] «*Весомо, грубо зримо*» — так характеризовал свои стихи В. В. Маяковский в первом вступлении в поэму «Во весь голос» (1929 — 1930).

ных мужиков, шмыгающих по коридору, по лестнице. Кое-кто из них обнимает ради любовной шутки встречающихся по пути девок. А после обеда всё затихает, и видишь, как все ходят на цыпочках, так как барин спит, да так, что его богатырский храп раздаётся по всему коридору. <...> Потом, когда стемнеет, видишь в конце длинной анфилады комнат светящуюся точку, которая перелетает с места на место, точно блуждающий огонёк. Это зажигают лампы. <...> Потом воцаряется ночная тишина; слышишь, как шлёпают туфли по коридору. Наконец, кто-то в последний раз мелькнёт, скрывается в темноте, и всё затихает. Только издали с улицы доносится стук сторожа, скрип запоздавших дрожек да заунывный окрик часовых: "Слушай!.. послуши-вай!.. посматри-вай!.."» (*К. С. Станиславский*. Работа над ролью. [«*Горе от ума*»], *1916 — 1920*).

Жизнь за стенами фамусовского дома тоже представлена в конкретных деталях. Чацкий иронизирует по поводу аристократического Английского клоба. Фамусов упоминает Кузнецкий мост, место французских лавок, привлекавших модниц и разорявших отцов и мужей. Скалозуб косноязычно говорит о московских расстояниях, из-за которых древнюю столицу называли большой деревней («Дистанции огромного размера»).

Но главное даже не в самих деталях хронотопа. Через образы обитателей, гостей, знакомых фамусовского дома Грибоедов даёт представление *о всей Москве*, в которой наиболее отчётливо проявляются закономерности русской жизни накануне одного из самых значительных исторических переломов XIX века.

Время действия комедии определяется достаточно чётко. Очевидно, что это десятилетие между окончанием Отечественной войны и восстанием декабристов. Это отстроившаяся после пожара («Пожар способствовал ей много к украшенью»), но сохраняющая свои традиции новая старая столица («Дома новы́, но предрассудки стары»).

Хронологические рамки «Горя от ума», однако, можно одновременно и сузить и расширить.

В финале Фамусов угрожает отправить слуг «на поселенье», но такая ссылка, как заметили исследователи, с 1802 до 1823 года была запрещена. Эта деталь позволяет отнести действие комедии к зиме 1823 — 1824 годов, то есть календарь пьесы практически совпадает с работой над ней.

Однако этот краткий промежуток — один зимний день вполне определённого года — художественно расширяется до целой исторической эпохи, о чём хорошо сказал И. А. Гончаров:

«Как картина, она (комедия. — *И. С.*), без сомнения, громадна. Полотно её захватывает длинный период русской жизни — от Екатерины до императора Николая. В группе двадцати лиц отразилась, как луч света в капле воды, вся

прежняя Москва, её рисунок, тогдашний её дух, исторический момент и нравы. <...> В картине, где нет ни одного бледного пятна, ни одного постороннего, лишнего штриха и звука, — зритель и читатель чувствуют себя и теперь, в нашу эпоху, среди живых людей. И общее и детали, всё это не сочинено, а так целиком взято из московских гостиных и перенесено в книгу и на сцену со всей теплотой и со всем "особым отпечатком" Москвы, — от Фамусова до мелких штрихов, до князя Тугоуховского и до лакея Петрушки, без которых картина была бы не полна» (*«Мильон терзаний»*, *1872*).

Причину выбора барской Москвы как модели русской жизни объясняет уже в нашем XXI веке историк:

«Что выделяло Москву во всей остальной России, делало её незаменимой для развёртывания событий национальной русской комедии? <...> Москва отличалась одним общепризнанным качеством: в ней наиболее ясно проявлялись самые общие принципы устройства дворянского мира, без петербургских или оренбургских крайностей. В Москве значение родственных связей, чинов и денег выступало в некоей неразрывности и гармонии. Объективная картина повседневной жизни дворянской России естественнее всего выявлялась именно в Москве» (*Е. Н. Цимбаева. «Художественный образ в историческом контексте»*, *2003*).

После «Горя от ума» понятие *грибоедовская Москва* стало нарицательным. Для большинства героев пьесы это привычное место обитания. Отношение же к Москве главного героя, Чацкого, резко меняется.

Он спешит сюда, полный надежд. «Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен? / Когда ж постранствуешь, воротишься домой, / *И дым Отечества нам сладок и приятен!*» (д. 1, явл. 7) — произносит Чацкий при первом появлении на сцене. Курсивом Грибоедов выделяет чужое слово, немного изменённую цитату из Державина.

Герой возвращается в Москву как в любезное отечество. Здесь его ждут любимая девушка, другие памятные с детства люди, дом, в который вопреки всяким приличиям можно ворваться ранним утром. «Ах! Боже мой! ужли я здесь опять, / В Москве! у вас! да как же вас узнать!» (д. 1, явл. 7).

История отрезвления, разочарования Чацкого — всего за один день! — и становится сюжетом пьесы.

Карикатуры и портреты: 25 глупцов?

Один из самых важных комментариев к «Горю от ума» — письмо Грибоедова другу юности П. А. Катенину. Катенин чего-то не понял и многое не принял в комедии, и Грибоедов подробно, шаг

за шагом, объясняет свой замысел, заканчивая это письмо-статью замечательным афоризмом: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно».

Прежде всего автор в полемике с Катениным формулирует *конфликт* комедии:

«Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка, сама не глупая, предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих….»

Затем Грибоедов переходит к особенностям *изображения персонажей*:

«“*Характеры портретны*” (это цитата из Катенина. — *И.С.*). Да! и я, коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них однако есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдёшь» (*первая половина января — 14 февраля 1825 г.*).

К умному и здравомыслящему человеку мы обратимся позднее, а пока разберёмся с глупцами, карикатурами, портретами и характерами.

«Я тебя породил, я тебя и убью», — говорит Тарас Бульба в гоголевской повести. В настоящем, особенно реалистическом произведении порождённые авторским воображением герои становятся настолько свободными, что существенно ограничивают авторские права. Автор без насилия над их характером и художественной логикой не может изменить их судьбу по личному усмотрению.

Цифра 25 появилась в письме, скорее всего, как живописное округление. Среди «действующих» в афише значатся 23 человека, исключая Чацкого, но включая шесть дочерей Тугоуховских. Если же добавить к Петрушке упомянутых в той же афише «несколько говорящих слуг», «множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде», «официантов Фамусова» да ещё так называемых внесценических персонажей, то число получится много больше.

Эти персонажи выстраиваются в своеобразную пирамиду: просто упоминаемые (внесценические) и эпизодические герои без речей или с краткими репликами (главным образом гости на балу) и второстепен-

ные, однако охарактеризованные достаточно подробно (если всё-таки считать главным героем одного Чацкого).

Что же думал сам автор о способах их изображения?

Карикатурой Грибоедов называет образы, представленные какой-то одной психологической или моральной чертой. Обычно их обозначают как *типы*. *Портрет* же — это не зарисовка с натуры, изображение реального человека (хотя подобных прототипов отыскали в Москве для многих грибоедовских героев), а многосторонняя, психологически сложная характеристика. Портрет, в сущности, синоним понятия *характер*.

Говоря об отсутствии в комедии карикатур, Грибоедов, конечно, имел в виду то, что их нет среди второстепенных персонажей. Что же касается не появляющихся на сцене лиц и приехавших на бал гостей, то они даны как раз карикатурно, характеризуются какой-то одной чертой (причём не обязательно комической).

В семье Горичей характеристики разделены.

Наталья Дмитриевна — долго не выходившая замуж и наконец достигшая цели московская барышня. В этом смысл обмена репликами с Чацким. «Моложе вы, свежее стали; / Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах», — иронизирует по старой памяти Чацкий. «Я замужем», — прерывает его героиня. И Чацкий сразу же меняет тон: «Давно бы вы сказали!»

Бывший друг Чацкого Платон Михайлович — теперь муж-подкаблучник, с тоской вспоминающий о прежней военной жизни, но не способный избавиться от навязчивой заботы жены. «Мой муж, прелестный муж», — щебечет героиня. «Ваш шпиц, прелестный шпиц», — позднее невольно спародирует эту реплику Молчалин. «Да, брат, теперь не так», «Теперь я брат не тот...» — с тоской повторяет Горич (д. 3, явл. 6).

Глухой князь Тугоуховский, отец шести дочерей, и его жена лишь мечтают о том, что удалось Наталье Дмитриевне. Их главная черта — настойчивость в поиске выгодного жениха: «Вот то-то детки; / Им бал, а батюшка таскайся на поклон; / Танцовщики ужасно стали редки!..» (д. 3, явл. 7).

Старуха Хлёстова — злобная сплетница, подхватывающая клевету, вероятно, похожа на упоминаемую в финале княгиню Марью Алексевну, мнения которой так боится Фамусов.

Карикатура ещё на одного персонажа дана в монологе Платона Михайловича: «Я правду об тебе порасскажу такую, / Что хуже всякой лжи...», «...человек он светский, / Отъявленный мошенник, плут: / Антон Антоныч Загорецкий. / При нём остерегись: переносить горазд, / И в карты не садись: продаст» (д. 3, явл. 9).

Подобная карикатура на внесценического персонажа возникает в монологе Репетилова (хотя герой называет её портретом): «Ночной разбойник, дуэлист. / В Камчатку сослан был, вернулся алеутом[1], / И крепко на руку нечист». Прототип, знакомый Пушкина Фёдор Толстой, узнал себя в этой карикатуре и «уточнил» на одной из рукописей «Горя от ума»: «“В Камчатку чёрт носил” — “ибо сослан никогда не был”; “в картишках на руку нечист” — для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, я думал отгадать намерение автора».

Сходным образом охарактеризованы и другие гости на балу, включая злобных безымянных господина Н. и господина Д.

Наиболее монументальной фигурой среди карикатур оказывается полковник Скалозуб, «золотой мешок», который «метит в генералы». Он, действительно, военный глупец, и практически каждая его реплика обнаруживает непонимание ситуации, ограниченность, прямолинейность. Даже его попытка рассказать анекдот кончается конфузом: он забывает анекдотическую пуанту — ключевую реплику. (Хотя и у юмора этого персонажа есть поклонники. «И Скалозуб, как свой хохол закрутит... <...> шутить и он горазд», — восхищается Лиза.)

Однако четверо других персонажей, перечисленных в начале афиши, а также Репетилов представляют уже не карикатуры, а портреты.

«Кстати, что такое Репетилов? в нём 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не в мерзостях», — защищал Пушкин героя от автора (А. А. Бестужеву, конец января 1825 г.). Действительно, образ Репетилова, который в значительной степени определяет четвёртое действие пьесы, вовсе не сводится ни к глупости, ни тем более к гадости. Кроме замеченного Пушкиным простодушия в герое есть и неудачный карьеризм («Женился наконец на дочери его, / Приданого взял — шиш, по службе — ничего. / Тесть немец, а что проку?» — д. 4, явл. 5), и «уничиженье», смирение перед умными людьми (всех членов своего кружка он оценивает выше, чем себя), и бескорыстный энтузиазм, увлечённость передовыми идеями (хотя эти идеи он понимает поверхностно), и «сердце доброе».

Репетилов — единственный, кто не сразу поверил в сумасшествие Чацкого: «Какая чепуха! <...> Враньё. <...> Химеры». Но даже подчинившись общему мнению («Мсьё Репетилов, что вы! / Да как вы!

---

[1] *Алеуты* — коренные жители Алеутских островов в Тихом океане близ Аляски.

Можно ль против всех!») и оправдывая тем самым этимологию своей фамилии (от фр. répéter — повторять), он не злорадствует, как другие, а сочувствует Чацкому: «Ах! Чацкий! бедный! вот! / Что наш высокий ум! и тысяча забот! / Скажите, из чего на свете мы хлопочем!» (д. 4, явл. 7—8).

Сцена отъезда обескураженного и растерянного Репетилова словно репетирует скорое бегство Чацкого: «Куда теперь направить путь? / А дело уж идёт к рассвету. / Поди, сажай меня в карету, / Вези куда-нибудь» (д. 4, явл. 9).

Репетилов — один из первых в русской литературе персонажей-двойников главного героя. Потом к этому приёму будут прибегать Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Чехов. Однако Репетилов по отношению к Чацкому не злая пародия, а простодушное поддразнивание.

Лиза тоже не просто верная служанка, выполняющая поручения барыни, спасающая её в трудные минуты. Она красива, остроумна, в некоторых сценах воспринимается как подруга и даже соперница Софьи. В то же время она хорошо понимает своё истинное положение, старается уклониться от конфликтов в фамусовском доме и мечтает о скромном счастье. «Ах! от господ подалей, / У них беды себе на всякий час готовь, / Минуй нас пуще всех печалей / И барский гнев, и барская любовь» (д. 1, явл. 2). — «Ну! люди в здешней стороне! / Она к нему, а он ко мне, / А я... одна лишь я любви до смерти трушу.— / А как не полюбить буфетчика Петрушу!» (д. 2, явл. 14).

Ещё сложнее портреты отца Софьи и её избранника.

Павел Афанасьевич Фамусов (от лат. fama — молва или famouse — известный) далеко не исчерпывается своей фамилией. Таковы, вообще, особенности второстепенных персонажей «Горя от ума». Давая им в соответствии с классицистской традицией карикатурно-однозначные фамилии-клички, Грибоедов наделяет их противоречивым психологическим обликом, превращает карикатуры в портреты. Фамусов, конечно, опасается молвы и весьма словоохотлив. Но он и барин, помещик, старающийся вести в Москве патриархальный образ жизни: давать балы, отдавать приказы, угрожать слугам. Он — чиновник, который формально относится к своим обязанностям («Обычай мой такой: / Подписано, так с плеч долой» — д. 1, явл. 4) и использует службу в личных целях («Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, / Ну как не порадеть родному человечку!..» — д. 2, явл. 5). Он представлен и любящим отцом, который ищет для своей дочери выгодную партию, и пожилым ловеласом, который не прочь полюбезничать со служанкой, и консерватором-наставником, дающим Чацкому уроки чинопочитания.